

СТРАНИЦУ, КОТОРАЯ НАЗЫВАЕТСЯ «КАЗАНСКАЯ ЕПАРХИЯ», Я ПЕРЕВЕРНУЛ

27 октября 2016

Игумен Силуан, бывший наместник Успенского монастыря в Свияжске, покинет Казанскую епархию. Сегодня он официально передал дела новому наместнику. Напомним, 19 октября отец Силуан получил решение о своем временном отстранении, а на его место назначили иеромонаха Амвросия. Известие вызвало серьезный резонанс не только среди православных, но и среди людей нерелигиозных. Дошло до того, что сторонники опального священнослужителя собирались выйти на митинг в знак несогласия со стилем правления митрополита, однако затем стало известно, что акцию решили отменить. Ситуацию не оставили без внимания и видные деятели Церкви в Москве. В частности, относительно этой истории высказался диакон Андрей Кураев. «Казанский репортер» в эксклюзивном интервью узнал, почему от митинга решили отказаться, как быть сторонникам игумена и что теперь намерен делать сам отец Силуан.

«МИТИНГ ЗАЯВЛЯЛСЯ НА 500 ЧЕЛОВЕК, НО ЗАТЕМ МЫ ПОНЯЛИ, ЧТО В РЕАЛЬНОСТИ ТАМ МОГЛО БЫТЬ ТРИ ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕК И БОЛЬШЕ»

– Достаточно много шума наделала информация о митинге против методов правления митрополита Феофана и в вашу поддержку. Он должен был состояться 30 октября, но затем стало известно, что акцию то ли отменили, то ли перенесли. Насколько актуальны эти планы?

– Нет, сейчас эти планы неактуальны. Но прежде всего хочу пояснить: я изначально не был сторонником митинга, хотя в глазах некоторых я вышел этаким революционером, при этом революционером-неудачником, раз митинг отменился... Я знаю людей, которые хотели организовать акцию, это близкие мне люди. Это была исключительно их инициатива. Тут не было никакой политики, тут просто, будучи прихожанами, чадами церкви, они хотели сказать о своем несогласии и поддержать меня. Никаких революций, лозунгов, просто это был бы способ докричаться, достучаться, чтобы их позицию услышали.

Сам по себе «митинг» в переводе с английского это встреча. Хотя сейчас это что-то связанное с революциями, лозунгами...

– *С политикой...*

– Да, с политикой. И митинг заявлялся на 500 человек, но затем мы поняли, что в реальности там могло быть три тысячи человек и больше. И со всем этим сталкиваясь, я принял для себя волевое решение. Надо, с одной стороны, поблагодарить всех, кто готов был оказать поддержку, отдать свой голос – там, кстати, планировалось принять некое обращение, коллективное письмо: не против митрополита, но в мою поддержку, это все-таки разные вещи.

А, с другой стороны, число желающих прийти стало слишком большим, а митинг такого масштаба – это очень большое, ответственное мероприятие, и могли быть провокации, какие-то другие непредвиденные вещи. А в условиях, когда двухконфессиональная республика, в целом мир очень неспокоен, все это политизировать, выводить на уровень баррикад совсем не хотелось бы. Потому что совсем не понятно, чем бы все это могло обернуться. Одно дело – просто встретиться, поговорить, выразить поддержку, и совсем другое, когда... Ну, скажем так, стремления, может быть, были и больше.

И со всем этим я настоятельно, очень настоятельно попросил отменить акцию. И когда разводили руки, спрашивали: «Ну, как так?», я говорил, просто ссылайтесь на меня, скажите, что это моя просьба. Можно говорить: проиграл – не проиграл, испугался – не испугался. Пусть воспринимают, как хотят. На каждый роток не накинешь платок.

Вот я официально заявляю: я изначально не был сторонником митинга. А когда митинг стал превращаться в некоторую большую политическую проблему, когда эта тема из внутрицерковных разногласий переросла в общественно-политическое явление, мне это точно не нужно. Поэтому я хочу поблагодарить всех, кто готов был меня поддержать, но в то же время прошу у всех прощения, если кто-то подумал, что его взбаламутили, сначала позвали, потом отменили. Хоть вы и не собрались, но вас заметили и услышали! И для каждого из нас это был урок, каждый увидел, на что он способен, что он может, на что он готов. Это тоже очень важно. Само количество людей, которые готовы были выйти на митинг, сказало само за себя. Заинтересованные стороны все увидели и, думаю, даже само проведение акции было не нужно.

– А людям, которые вас поддерживают в этой ситуации, им как быть? Что посоветуете?

– Я всегда призывал, когда мне звонили, спрашивали о состоянии здоровья, дел, когда предлагали какую-либо помощь, я всегда просил молитв. Молитва – это самое важное для верующих людей, поэтому давайте будем молиться. За самих себя, за нашу Церковь, за наше Отечество, за мир и благополучие. Не всегда бывает так, как мы хотим, не всегда для нас очевиден промысел Божий, но в этом и есть наша вера – уметь довериться Богу, постараться принять. Господь говорит еще в Ветхом завете: «Кого люблю того и наказываю, бью каждого сына, его же приемлю».

Те люди, которые скорбят, те люди, которые расстроились, они реально участвовали в жизни монастыря. Сегодня, слава Богу, Свяжский монастырь стоит, все наши труды совместные никуда не делись. Просто прошу набраться терпения, прошу молитв. Главное, чтобы недовольство чем-то не переросло в то, что кто-то скажет: «Я больше не буду ходить в храм, я больше не буду молиться». Если это произойдет в сердцах людских, могу сказать, что все мои труды как священника были просто напрасны.

«СЕГОДНЯ Я ПЕРЕДАЛ ВСЕ ДЕЛА ПО СВЯЖСКУ»

– У вас был очень непростой эмоциональный период...

– Действительно, это был период испытаний. Надеюсь, что он подходит к концу.

– Какие выводы сделали после всей этой истории? Вы увидели, что вас поддерживает очень много людей, но в то же время понимаете, что остались один на один с системой...

– Я не хочу сказать, что остался один на один с системой, я прекрасно знал, на что иду, когда становился священником. С чем я в принципе не согласен, так это с тем, что настоятелей храмов и монастырей можно так просто менять местами. Это очень сложно. В первую очередь, для прихожан сложно. Возможно, когда-нибудь действительно придет время, и настоятелей будет выбирать братия. По крайней мере, святейший патриарх Кирилл идет к этому, сейчас готовятся реформы монашества.

А выводы? Ну, оказывается, я намного больше людям нужен, чем подозревал. Выводы сделал, что уповать нужно только на Бога, а не на человеческую помощь, не на свои деяния. И когда есть промысел Божий, против него трудно устоять.

Еще раз хочу сказать, что наши какие-то несогласия с митрополитом Феофаном – это исключительно внутрицерковные дела. Очень неприятно было читать в комментариях, якобы деньги делят и подобное. Наверное, он как правящий митрополит со всей ответственностью, которую он несет перед Богом и людьми, принял решение освободить меня от этой должности. Я всегда относился к ней как к послушанию, хотя это внешне, конечно, почетно. Кажется, как будто есть какие-то привилегии. Внутри это страшная ответственность перед Богом и людьми. Свияжск сегодня очень суетное и хлопотное место. Я давно собирался оставить послушание, но послушание не оставляют,

пока тебя не освободят от него. И поэтому, когда так случилось, я воспринял это достаточно спокойно. Разногласия с владыкой Феофаном были, я этого не скрываю. Сейчас, вроде бы, они разрешились. Моя позиция не была борьбой за это место. К сожалению, разногласия переросли в общественную плоскость, благодаря СМИ они стали доступны очень широкому кругу людей.

– Кто первым сделал выпад в публичном пространстве?

– Посмотрите по хронологии всех тех изданий, которые писали об этом (смеется). Самый главный вывод – это очень большой и серьезный опыт. И духовный и практический.

– Вы говорите о разногласии с митрополитом в прошедшем времени. Была какая-то встреча, обсуждение, после того епархиального совета?

– Была не одна встреча и до, и после. И сейчас мы на связи, мы общаемся. Сегодня я передал все дела по Свяжску. Все, теперь нужно ждать уже официального решения Синода. Я освобожден, у меня есть справка о том, что я нахожусь в лечебном отпуске, мне нездоровится. И это одна из тех серьезных причин, по которым мне хотелось оставить этот пост. Потому что со здоровьем есть кое-какие проблемы, надо бы ими заняться, для этого нужен срок, и послушание настоятеля точно не способствует этому.

– Мавр сделал свое дело, мавр может уходить? Послужили, многое сделали, а теперь можно поставить «своего человека»?

– Если бы я работал на конкретного человека или на организацию, так можно было бы сказать. Но так как я служил Богу, то я так не считаю. Почему? У меня было просто послушание. Если Богу было угодно, чтобы я в этот период был на Свяжске – я там был. Когда Господь решил, что должно продолжить путь, который был давно намечен, – так и произошло. Произошло не без конфликтных ситуаций, но и эти трения каждому из нас стали неким испытанием, проверкой на прочность, на верность. И самое главное, что мы сегодня в мире расстаемся.

– Когда последний раз были в Свяжске?

– Сегодня, только что оттуда вернулся.

– Каково было уезжать оттуда?

– (Пауза) Во-первых, я для себя не теряю Свяжск, мне, слава Богу, не запретили туда приезжать. Во-вторых, там остались прихожане, много близких мне людей, и Свяжск навсегда останется близким мне и родным. Я там не был туристом, я там жил, для меня там многое родное, поэтому, наверное, некая грусть, когда уезжаешь с родного места, знаешь, что уезжаешь надолго и не скоро вернешься – вот что-то подобное. Нельзя сказать, что я больше никогда не вернусь в Свяжск, но есть чувство некой грусти, когда покидаешь дом. Но ни уныния, ни отчаяния, ни желания заламывать руки, конечно же, не было.

Если мы, священники, в таких ситуациях не покажем пример настоящего смирения, кто же тогда? Для меня это не борьба с системой. Для меня это некий промысел Божий. У нас были некоторые разногласия, но чисто технические, а не в том, что я уйду или нет. Хочу заметить – я не считаю, что я проиграл. Кто так считает – ну, пусть считают. У меня была возможность в Синоде что-то доказывать, бороться... Я принял добровольное решение.

«СТРАНИЦУ, КОТОРАЯ НАЗЫВАЕТСЯ «КАЗАНСКАЯ ЕПАРХИЯ», Я ПЕРЕВЕРНУЛ»

– Расскажите о планах.

– Я давно собирался вернуться на Родину. В планах перейти в Грузинскую Церковь, я

уже подал документы на переход. Переход из одной церкви в другую поместную православную церковь – это довольно сложный процесс. Это означает, что физически я в основном буду находиться в Грузии, на своей Родине, откуда я приехал 24 года назад. Многие могут сказать, что я уже давно так аккуратненько людей готовил, говорил о планах уйти. Кто-то не воспринимал это серьезно, кто-то не хотел об этом вообще слышать, как не хочет и сейчас. Но, дорогие мои, это моя жизнь. Это делается не из-за того, что я на кого-то обиделся.

Есть путь и, в первую очередь, путь монашеский, которым я должен идти. Я очень тяготился этим послушанием, может, внешне и не показывал, но внутренне страшно устал, тем более состояние здоровья. А когда меня уже официально освободили, у меня уже видимых причин не переходить в Грузинскую Церковь нет. В Грузии у меня есть план, где я буду находиться и что я буду делать, но всем хочу сказать: если я кому-то нужен, я на связи. Кому я нужен был как человек, как священник, как друг – обязательно всем оставляю свои контакты, и будет повод всем приехать в Грузию. А мне неоднократно сюда вернуться.

– Есть уже понимание, чем именно будете заниматься в Грузии?

– Да, конечно. Точно не настоятельство, скорее всего, тихая спокойная монашеская жизнь. Все административные и представительские дела никогда не способствовали внутреннему росту, они только мешали и ослабляли. Вообще опыт реального монашества предполагает нахождение вне города, вне суеты, вне деловой активности. Только в тишине кельи можно достичь серьезных свершений. Как там получится, где будет эта условная келья, пока говорить ничего не хочу. Пока еще предстоит сделать несколько серьезных шагов. Моя жизнь продолжается. Страницу, которая называется «Казанская епархия», я перевернул. Я дальше иду. Меня привлекает отнюдь не карьерный рост, хотя была возможность и здесь остаться, и были предложения, что если я останусь и не

поленюсь закончить высшее богословское образование, есть серьезная возможность дальнейшего карьерного роста. От чего я сам добровольно и сознательно отказался не сегодня, не вчера, а значительно раньше. Обычно к моему возрасту человек только достигает руководящих постов, полон сил для реализации своих идей. Я же руководить начал с 23 лет, и к 42 годам, честно говоря, уже устал от этого. Руководящие должности просто перестали быть интересны для меня.

– Билет уже куплен?

– Нет, это процесс не одного дня, я еще какое-то время буду здесь. Я в каких-то человеческих судьбах участвую. Сегодня вот так в одночасье уехать было бы неправильно. Я не хлопаю дверью, никому ничего не доказываю. У тех, кто расстроится из-за моего ухода, я заранее прошу прощения. Я, слава Богу, живой и возможность встречаться и общаться еще будет.

– Ну, и будет еще один повод съездить в Грузию...

– Да! Тем более сегодня это легко сделать. Для себя открыть Грузию, помимо того, что меня навестить, там есть много интересного, поэтому милости просим. Я уже подумываю, а не начать ли организовывать туры (смеется).

– В прошлую нашу встречу у вас было взволнованное и озабоченное проблемами лицо, а сейчас, я вижу, вы улыбаетесь. С оптимизмом смотрите в будущее?

– Тогда действительно были волнения, вопросы, на которые не было ясных ответов. Сейчас, когда я получил ответы на них, унывать и отчаиваться повода нет. Что касается оптимизма, у людей верующих это называется надеждой на Бога, на Его всеблагий промысел.

Беседовал Антон Райхштат

<http://www.kazanreporter.ru>